

Механизмы вовлечённости США в Индо-Тихоокеанском регионе: альянсы, партнёрства и мультилатерализм

Алексей Николаевич Богданов,

кандидат политических наук, доцент

кафедры американских исследований

Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

E-mail: enli182@mail.ru

Рост военной мощи Китая и расширение его геополитических амбиций бросают вызов сложившемуся ещё в годы холодной войны региональному порядку, а также подрывают роль США как «гаранта безопасности». Неблагоприятные для Вашингтона сдвиги в балансе сил чреваты усилением конфликтного потенциала региона, повышают вероятность обострения локальных кризисов и угрожают национальной безопасности как самих США, так и их индо-тихоокеанских союзников. Данные обстоятельства подталкивают американское руководство к поиску более релевантных механизмов региональной вовлечённости, соответствующих новым геополитическим реалиям. Достижение этой цели предполагает переосмысление международных обязательств Соединённых Штатов и реорганизацию их отношений с союзниками и партнёрами, которые наделяются большей ответственностью в рамках продвигаемых Вашингтоном концепций «Индо-Тихоокеанского региона» и «Свободной и открытой Индо-Пацифики». В сочетании с продолжающимся процессом децентрализации региональной архитектуры безопасности это должно привести к повышению эффективности существующего распределения издержек и тем самым облегчить бремя американского системного лидерства. В то же время реализация данной стратегии несёт риски ослабления международной роли США и их способности проецировать власть в АТР. Это обстоятельство обуславливает актуальность исследования механизмов региональной вовлечённости Соединённых Штатов в условиях адаптации существующих институтов международной безопасности к меняющемуся балансу сил.

Ключевые слова: США, Индо-Тихоокеанский регион, региональная безопасность, союзы, партнёрства.

**Mechanisms of U.S. Engagement in the Indo-Pacific Region:
Alliances, Partnerships and Multilateralism.****Alexey Bogdanov**, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia. E-mail: enil82@mail.ru.

The growing military power of China and the expansion of its geopolitical ambitions challenge the regional order established during the Cold War and undermine the role of the United States as a “security guarantor”. The unfavorable shifts in the balance of power are fraught with an increase in the region’s conflict potential, raise the likelihood of local tensions escalating and threatening the national security of both the United States and its Indo-Pacific allies. These circumstances prompt the U.S. leadership to search more relevant mechanisms of regional engagement that correspond to new geopolitical realities. Reaching this goal requires rethinking of the United States’ international commitments and the reorganization of relations with allies and partners who are given greater responsibility within the concepts of the “Indo-Pacific Region” and the “Free and Open Indo-Pacific” promoted by Washington. Along with the ongoing process of decentralizing the regional security architecture, this should lead to increased efficiency of the existing distribution of costs and, thus, reduce the burden of the American systemic leadership. At the same time, the implementation of this strategy carries the risk of weakening of the international role of the United States and its ability to project power in the Asia-Pacific region. This circumstance underscores the relevance of studying the mechanisms of U.S. regional engagement under conditions of adaptation of existing international security institutions to the changing balance of power.

Keywords: United States, Indo-Pacific region, regional security, alliances, partnerships.

ВВЕДЕНИЕ

С середины XX в. США стремились проецировать власть в АТР посредством двусторонних альянсов, которые наделяли американских союзников «опорными» и «стержневыми» (как в случае с Японией) ролями в поддержании регионального порядка. На протяжении холодной войны эти оборонные пакты формировали фундамент роли США как «гаранта безопасности», выступали в качестве инструментов сдерживания коммунистической экспансии и обеспечивали вовлечённость Вашингтона в региональные дела. В начале 1990-х гг. превращение Соединённых Штатов в «единственную сверхдержаву» потребовало всеобъемлющего переосмысления механизмов региональной вовлечённости Вашингтона, в том числе в АТР. Желая закрепить триумф либерализма в качестве доминирующей парадигмы международного развития, США

начали придавать большое значение развитию свободной торговли, продвижению рыночных реформ и поддержке демократии в регионе. Эти усилия также должны были способствовать закреплению за Вашингтоном роли «лидера» и «локомотива экономического развития», власть которого опирается как на двусторонние союзы, так и на многосторонние институты (такие как АТЭС).

В дальнейшем, хотя в начале XXI в. американские региональные приоритеты были переосмыслены в условиях «глобальной войны с террором», США по-прежнему содействовали продвижению либерализма в АТР, а также стремились привлечь традиционных союзников (прежде всего, Японию и Австралию) к участию в политике «демократического интервенционизма» и «государственного строительства». В то же время резкое ужесточение американской критики в отношении нарушений прав человека в Китае, усиление поддержки Тайваня как одной из «опор демократии» в регионе, а также включение Северной Кореи в число «государств-изгоев» заметно повысило уровень геополитической напряжённости и создало предпосылки эскалации конфликтов в Южно-Китайском море и на Корейском полуострове. Азиатско-тихоокеанская политика администраций Б. Обамы (2009—2017) была направлена преимущественно на выработку менее затратных способов осуществления американского лидерства, а также на поиск эффективных инструментов сдерживания растущей мощи Китая. Результатом этих усилий стало улучшение отношений между Вашингтоном и рядом стран региона, смещение американского фокуса на многосторонние региональные институты (АСЕАН) и появление макро-региональных многосторонних инициатив (Транстихоокеанское партнёрство) наряду с расширением военного присутствия США в АТР [15, с. 20].

Региональная стратегия первой администрации Д. Трампа (2017—2021) отличалась противоречивым отношением к мультилатерализму, о чём свидетельствовали выход США из Транстихоокеанского партнёрства и последовательное стремление укрепить отношения между Вашингтоном и АСЕАН. Вместе с тем обнародованная в 2019 г. концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» унаследовала от предшествующей администрации акцент на необходимости содействовать кооперации между либеральными демократиями региона, расширять круг партнёров США в АТР и укреплять их способность поддерживать «основанный на правилах международный порядок». Практическое воплощение этих императивов предполагало оптимизацию издержек американского лидерства путём перераспределения ролей между Вашингтоном и его союзниками и партнёрами, а также модификацию традиционных механизмов региональной вовлечённости США. Среди потенциальных рисков данной стратегии наиболее

значимым представляется возможный упадок авторитета Соединённых Штатов как «лидера» и «гаранта безопасности» по мере того, как второстепенные державы принимают на себя более ответственные международные роли. В свою очередь, это может привести к усилению напряжённости в результате гонки вооружений и обострения конфликтов между государствами региона.

В рамках данной статьи исследуются современные механизмы региональной вовлечённости США с тем, чтобы определить специфику роли Вашингтона в условиях адаптации институтов международной безопасности к меняющемуся балансу сил в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Для достижения этой цели автор опирается на предложенное сторонниками теории «цикла власти» (“power cycle” theory) понимание «международной роли» как совокупности обязательств, связанных с системным положением и определяемых традицией международной политической вовлечённости, а также тем, как власть использовалась в прошлом. Согласно этому представлению, международная роль выступает в качестве специфической «ниши», в рамках которой государство использует мощь для достижения своих целей, преимущественно в сфере безопасности. Как отмечает Ч. Доран, эти признанные в международном масштабе «ниши» со временем могут трансформироваться в ответ на изменение целей государства, его стратегии и потенциала, а также в зависимости от реакции других акторов международной системы [37, р. 31]. Вместе с тем, адаптируя свою роль к внутренним и внешним факторам, государство стремится не просто обеспечить более эффективное достижение национальных интересов, но ассимилировать происходящие структурные изменения так, чтобы сложившийся международный порядок сохранил легитимность [36, р. 15]. Обозначенные теоретические предпосылки позволяют пролить свет на то, как стремление США адаптировать азиатско-тихоокеанскую архитектуру безопасности к меняющемуся балансу сил влияет на распределение международных ролей, призванное обеспечить региональную вовлечённость Вашингтона в условиях растущей неопределённости.

ТРАДИЦИОННЫЕ АЛЬЯНСЫ И НОВЫЕ ПАРТНЁРСТВА

Двусторонние оборонные пакты между Вашингтоном и пятью государствами Восточной Азии (Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами и Таиландом) формируют фундамент региональной вовлечённости Соединённых Штатов с середины XX в. В условиях противостояния США и СССР эти союзы служили в качестве инструментов сдерживания коммунистической экспансии,

а после окончания холодной войны использовались Вашингтоном для ограничения регионального соперничества и противодействия таким транснациональным вызовам, как распространение ОМУ и международный терроризм. Двусторонние альянсы закрепляют особую ответственность Соединённых Штатов как «осевой державы» и обеспечивают американский контроль над морскими путями и коммуникациями посредством передового развёртывания военного флота [25, с. 132]. На протяжении десятилетий передовое военное присутствие и обширные союзнические обязательства составляли фундамент гегемонии США в Восточной Азии, в то время как роль «гаранта безопасности» оправдывала привилегированное положение Вашингтона в системе «ось и спицы», а также его глубокую вовлечённость в региональные дела. Предположительно, это позволяло поддерживать восточноазиатский порядок и безопасность, а также создавать необходимые предпосылки для либерализации торговли, развития экономической интеграции и роста благосостояния союзников и партнёров Соединённых Штатов.

Однако на рубеже 2000—2010-х гг. стало очевидным, что американские военные интервенции в ходе «глобальной войны с террором» и мировой финансовый кризис 2008—2009 гг. привели к резкому росту издержек системного лидерства США и упадку их международного престижа. Кроме того, увеличение военной мощи Китая, модернизация его военно-морского флота, а также расширение геополитических амбиций КНР спровоцировали обострение противоречий между Пекином и рядом государств региона, включая таких американских союзников, как Япония и Филиппины. Резкое усиление неопределённости, сопутствующее периодам структурных сдвигов и системной нестабильности, а также смена парадигмы отношений с Китаем (переход от стратегии «вовлечения» к «сдерживанию») и обусловленный этим рост военных расходов Вашингтона стали ключевыми причинами разработки Индо-Тихоокеанской стратегии «сетевого региона». В отличие от статичной системы «ось и спицы», эта концепция делает акцент на сочетании альянсов и партнёрств как фундамента «сетевой» архитектуры безопасности, способной поддержать «основанный на правилах международный порядок» посредством усиления двусторонних союзов трёх- и многосторонними соглашениями, а также поощрения внутриазиатских отношений в сфере безопасности [41, р. 44].

Применительно к традиционным военным альянсам современный подход США делает акцент на двух ключевых приоритетах: 1) совершенствование системы передового базирования в сочетании с укреплением способности американских союзников обеспечивать собственную безопасность и участвовать в поддержании регионального порядка и 2) поощрение межсоюзнических

взаимодействий, преимущественно в сфере безопасности. Так, в годы первого президентства Д. Трампа численность военнослужащих и гражданского персонала в распоряжении Индо-Тихоокеанского командования была увеличена до 370 тыс. чел., количество самолётов доведено до 2 тыс., а число военных кораблей и субмарин — до 200 [3, с. 144]. США также существенно нарастили продажи Японии новейших образцов вооружений, часть из которых в перспективе должна стать компонентом глобальной американской ПРО. Помимо прочего, это подразумевает развёртывание на территории Японии эшелонированной системы, состоящей из зенитно-ракетных комплексов, радаров и систем боевого управления, обеспечивающих высокую степень взаимодействия японской и американской противоракетной обороны [13, с. 170]. Кроме того, Соединённые Штаты внесли существенный вклад в модернизацию ВМС Японии, обеспечив Токио поставками современных истребителей, самолётов раннего предупреждения, противолодочных самолётов и БПЛА [8, с. 200], а также ракет средней и малой дальности *Turphon*.

В отношении другого ключевого союзника в регионе — Южной Кореи — Вашингтон придерживается схожей политики, предполагающей укрепление способности Сеула противостоять угрозе со стороны Пхеньяна. В частности, в 2017 г. США разместили на территории РК стандартную батарею THAAD [6, с. 31], которая при необходимости может быть трансформирована в работающую систему ПРО [1, с. 231]. Также Сеул получил от Вашингтона необходимые ресурсы для того, чтобы создать эшелонированную сеть противоракетной обороны на основе зенитно-ракетных систем *Patriot*, дополняющих морские системы *Aegis*. Вместе это должно обеспечить защиту как самой Южной Кореи, так и американских военных объектов на пространстве ИТР и на территории США [10, с. 10]. Кроме того, в ходе ракетно-ядерного кризиса 2017 г. Соединённые Штаты приложили значительные усилия, чтобы повысить уровень координации между Вашингтоном, Токио и Сеулом посредством проведения регулярных трёхсторонних военных учений, отработки операций по эвакуации нонкомбатантов в случае возможного военного конфликта и расширения обмена разведанными о планах и действиях КНДР [7, с. 73—74]. Впоследствии важным этапом в развитии треугольника США — Япония — РК стал Вашингтонский саммит (август 2023 г.), закрепивший основные формы трёхстороннего сотрудничества (регулярные встречи должностных лиц разного уровня, ежегодные совместные учения, обмен передовыми технологиями, разведанными и т.д.) и заложивший фундамент для взаимодействия союзников с целью экономического и военного сдерживания Китая [11, с. 9], а также обеспечения безопасности в районе Японского моря и Корейского полуострова.

Наряду с усилением «краеугольных» альянсов с Японией и Южной Кореей США также стремятся укрепить боеготовность таких союзников, как Австралия и Филиппины. Поскольку военный альянс с Канберрой традиционно выступает в качестве основного элемента постоянного военного присутствия Соединённых Штатов в регионе, Вашингтон прилагает заметные усилия по увеличению своего контингента на территории страны (военная база в г. Дарвин) и модернизации военного центра Pine Gap и Военно-морской коммуникационной станции северо-западного мыса [46, р. 6—7]. Кроме того, в рамках трёхстороннего партнёрства AUKUS США предоставили Австралии беспрецедентный доступ к своей военно-промышленной базе с тем, чтобы усилить военный арсенал страны в таких сферах, как квантовые технологии, средства радиоэлектронной борьбы, гиперзвуковые и контргиперзвуковые возможности [44]. Эти меры поддержки обусловлены обеспокоенностью Канберры и Вашингтона в связи с усилением влияния в южной части Тихого океана Китая, который может использовать свою растущую финансовую и военную мощь для навязывания своей политической воли и создать благоприятные условия для размещения своих военных баз посредством развития портовой инфраструктуры в регионе [29, с. 79].

Рассматривая союз с Филиппинами как ключевой инструмент противодействия экспансии КНР в Южно-Китайском море, США с 2014 г. увеличили военное присутствие на территории страны до максимума за последние 30 лет в рамках «Соглашения о расширенном оборонном сотрудничестве» (EDCA). Документ предусматривает ротацию американских вооружённых сил на Филиппинах для длительного пребывания и строительство военных объектов с тем, чтобы укрепить плацдарм Соединённых Штатов в стратегически важной части ИТР на случай возможного военного конфликта вокруг Тайваня или спорных акваторий. Кроме того, США получают возможность отслеживать активность Китая в районе Тайваньского пролива и усиливать способность Филиппин играть более активную роль в поддержании регионального порядка посредством передачи новой военной техники для модернизации вооружённых сил Манилы [24], проведения совместных военных учений с целью повышения оперативной совместимости вооружённых сил, а также укрепления морской безопасности [32, р. 2].

Что касается альянса США с Таиландом, то в настоящее время Вашингтон не рассматривает Бангкок в качестве столь же важного союзника, как в 2000-е гг., когда Таиланд был наделён статусом «основного союзника вне НАТО» за предоставление военных контингентов для участия в американских интервенциях в Афганистане и Ираке. В то же время в современных условиях

принципиальное значение сохраняет возможность доступа США к военной базе Утапао, которая может быть использована для переброски американских вооружённых сил в район потенциального конфликта [27, с.131]. США и Таиланд также проводят совместные военные учения Cobra Gold, призванные содействовать развитию сотрудничества 24 стран-участниц в сфере обеспечения региональной безопасности и укреплению роли Бангкока в сохранении мира и стабильности в районе Южно-Китайского моря [14, с. 86—87]. В конечном счёте все эти усилия должны обеспечить американских союзников достаточными ресурсами для сдерживания активности китайских ВМС в прилегающих и спорных акваториях, снижая тем самым риски потенциальной дестабилизации региона.

Наряду с расширением военного присутствия и укреплением способности союзников участвовать в поддержании международного порядка США стремятся модифицировать архитектуру региональной безопасности путём её децентрализации и внедрения «сетевых» принципов организации межсоюзнических взаимодействий. При этом усилия Вашингтона сосредоточены на том, чтобы содействовать расширению взаимодействий и сотрудничества младших союзников в рамках двух стратегических треугольников: США — Япония — Австралия и США — Япония — Южная Корея [17, с. 6]. Помимо проведения регулярных трёхсторонних военных учений (Rimpac, Talisman Saber и др.), Соединённые Штаты стремятся делегировать союзникам и партнёрам ответственность и инициативу в сдерживании геополитических амбиций Китая, оставляя за собой задачи координации, поддержки и военной подстраховки на случай обострения ситуации в регионе [9, с. 13]. Так, наряду с углублением сотрудничества и расширением возможностей традиционных союзников Вашингтона, растущее значение приобретают «ведущие региональные партнёры» (Индия, Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Новая Зеландия и др.), чья готовность принять на себя лидерские роли является ключевой с точки зрения мобилизации коллективных усилий для решения общих проблем [40, р. 9]. В перспективе это должно создать условия для формирования более гибкой и диверсифицированной системы взаимоотношений, характерная черта которой — перераспределение ролей в пользу младших союзников и партнёров, схожих с точки зрения приверженности общим политическим ценностям.

Наряду с диверсификацией и укреплением военного присутствия США в регионе, а также с расширением доступа Вашингтона к морским портам и военным базам дружественных стран, такая система призвана способствовать продвижению свободы торговли, демократии, прав человека и верховенства права [20, с. 105]. При этом ключевое значение приобретает стратегическое пар-

тнёрство с Индией как крупнейшей демократией в мире, способной играть ведущую роль в продвижении американского видения ИТР [43, р. 38] и «свободного и открытого международного порядка», декларирующего необходимость уважать суверенитет всех народов, обеспечивать мирное разрешение споров, свободу торговли и приверженность международному праву [30, р. 6]. Так, в 2016 г. Индия получила статус «основного оборонного партнёра США» (“major defense ally”), что впоследствии позволило вывести оборонное сотрудничество Нью-Дели и Вашингтона на уровень 2+2 (министры иностранных дел и обороны двух стран), предоставить Индии доступ к американским коммуникационным технологиям, заключить соглашения по упрощению создания совместных производственных цепочек в области военно-промышленного комплекса и обмену информацией в сфере безопасности с тем, чтобы повысить совместимость американских и индийских вооружённых сил [5, с. 28]. Всё это, наряду с расширением американо-индийских военных учений Malabar за счёт привлечения к участию в них Японии и Австралии, позволило заметно повысить вовлечённость Нью-Дели в обеспечение региональной стабильности и в то же время оптимизировать бремя военных издержек Вашингтона за счёт укрепления военно-технологических возможностей Индии [4, с. 87].

Таким образом, расширение военного присутствия США в ИТР, поощрение взаимодействий между традиционными союзниками Вашингтона и формирование более гибких механизмов обеспечения региональной безопасности посредством создания новых партнёрств (в первую очередь, с Индией), а также укрепление способности союзников и партнёров поддерживать международный порядок являются характерными чертами индо-тихоокеанской стратегии Соединённых Штатов. При этом наметившийся в последние полтора десятилетия тренд к децентрализации региональной архитектуры безопасности проявляется в усилении влияния минилатеральных форматов (Quad, AUKUS), которые призваны улучшить координацию действий американских союзников и партнёров. Наряду с этим возрастает значение многосторонних структур не только как инструментов продвижения экономической интеграции, но также как механизмов выработки общей позиции по ключевым региональным проблемам и согласования интересов в условиях обострения межгосударственных противоречий. Поскольку политика Соединённых Штатов по продвижению минилатерализма как институционализированной практики взаимодействия с союзниками и партнёрами происходит параллельно с укреплением сотрудничества с многосторонними структурами ИТР, исследование этого аспекта региональной вовлечённости Вашингтона представляет особый интерес.

МИНИЛАТЕРАЛЬНЫЕ ФОРМАТЫ И МНОГОСТОРОННИЕ СТРУКТУРЫ

На протяжении десятилетий азиатско-тихоокеанская стратегия США делала акцент на развитии двусторонних отношений в сфере безопасности с рядом ключевых стран региона, не придавая ведущего значения многосторонним форматам взаимодействия. Данная установка была обусловлена рядом факторов, среди которых основными были значительный разрыв в уровне экономической и военной мощи стран ИТР, существенные различия политических систем, глубокие исторические противоречия, а также дефицит доверия, обусловленный слабостью региональных институтов [42, р. 61]. Однако растущая мощь и расширяющиеся геополитические амбиции Пекина подтолкнули Вашингтон к переосмыслению мультилатерализма как института, способного обеспечить более эффективную вовлечённость США в региональные дела в условиях относительного упадка американского могущества и кризиса лидерства. Настойчивое стремление Соединённых Штатов укрепить связи между своими союзниками и партнёрами (а также наделить их большей ответственностью в деле поддержания региональной стабильности) подразумевает формирование нового институционального фундамента, на основе которого новое распределение ролей могло бы способствовать улучшению координации действий вовлечённых сторон и укреплению легитимности отстаиваемого США «свободного и открытого международного порядка». В рамках индо-тихоокеанской стратегии Вашингтона эти императивы находят воплощение в создании так называемых минилатеральных форматов¹ (Quad, AUKUS) и углублении сотрудничества с АСЕАН, выступающей в качестве платформы укрепления взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии и развития региональной интеграции.

Возрождение четырёхстороннего диалогового формата (Quad) между США, Японией, Австралией и Индией в 2017 г. принято связывать с обострением региональных противоречий в условиях меняющегося соотношения сил, а также с растущей обеспокоенностью ряда стран в связи с углублением их экономической и инфраструктурной зависимости от Китая [26, с. 26; 28, с. 30]. Согласно

¹ Как отмечают А.В. Худайкулова и М.С. Рамич, минилатерализм представляет собой специфическую форму мультилатерализма, обращение к которой обусловлено тем, что США становится всё сложнее мобилизовать обширные коалиции государств, поскольку многие из них имеют тесные связи с Китаем и стремятся избежать прямой конфронтации с Пекином [28, с. 25].

превалирующей в академических кругах точке зрения, возрождение этого формата представляет собой один из шагов в рамках стратегии сдерживания КНР, предполагающей (наряду с наращиванием военных потенциалов и повышением оперативной совместимости) создание в ИТР альтернативного механизма решения финансовых, экономических и инфраструктурных задач [см., напр.: 18; 19]. Таким образом, взаимодействие членов «четвёрки» не только нацелено на обеспечение региональной безопасности, но также призвано содействовать укреплению суверенитета государств ИТР и недопущению их вовлечения в орбиту влияния КНР. В связи с этим Quad приобретает особое значение в рамках индо-тихоокеанской стратегии США как формат, объединяющий приверженные демократии государства, общность интересов которых произрастает из сходства их политических систем. Ключевыми направлениями сотрудничества на текущий момент являются политические и военные консультации, обмен информацией и согласование общих позиций по проблеме безопасности морских путей и по развитию транспортной инфраструктуры в ИТР [28, с. 40]. Кроме того, постепенная институционализация сотрудничества в рамках Quad призвана содействовать созданию своеобразной «дуги азиатских демократий», включающей Японию, Южную Корею, Тайвань, Филиппины, Сингапур, Шри-Ланку и Индию [2, с. 113] и способствующей формированию сообщества коллективной безопасности в регионе. Таким образом, согласно логике Вашингтона, именно развитие кооперации «государств-единомышленников» (помимо Quad, это трёхсторонние отношения США — Япония — РК, США — Австралия — Япония, США — Индия — Япония) выступает в качестве ключевого инструмента поддержания порядка и стабильности в ИТР [41, р. 45]. Со временем регулярные консультации в рамках «четвёрки» должны способствовать заключению между её участниками соглашений о стратегическом партнёрстве, закрепляющих минилатерализм в качестве одной из институциональных опор «сетевой» архитектуры безопасности в регионе. При этом стремление Нью-Дели сохранять «стратегическую автономию» путём лавирования между Вашингтоном и Пекином предоставляет Индии более широкие возможности влияния на определение своей роли в контексте меняющегося регионального порядка. Так, развивая партнёрские отношения с США, Японией и Австралией в рамках Quad, Индия одновременно сотрудничает с Китаем в рамках БРИКС и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Это позволяет ей диверсифицировать связи и углублять отношения в сфере безопасности с ключевыми державами региона, избегая при этом негативной реакции со стороны КНР. Соответственно, принимая во внимание общую заинтересованность Нью-Дели и Пекина в экономическом

сотрудничестве и продвижении многополярного мирового порядка, можно сделать вывод о малой вероятности превращения Quad в полноценный военный альянс в обозримом будущем [38, р. 257].

Не менее значимым (хотя и менее инклюзивным) минилатеральным форматом является созданное в сентябре 2021 г. трёхстороннее партнёрство в сфере безопасности между США, Великобританией и Австралией (AUKUS). В качестве основной цели декларируется развитие сотрудничества вышеупомянутых государств в военно-технической сфере, в области искусственного интеллекта и квантовых технологий, а также создания промышленных баз и новых цепочек поставок [45]. При этом усилия стран-партнёров направлены, в первую очередь, на помощь Австралии в создании флота атомных субмарин с тем, чтобы уравновесить военно-морскую мощь Китая и повысить безопасность авианосных групп Соединённых Штатов, дислоцированных в регионе. В рамках трёхстороннего сотрудничества предполагается обеспечить постоянное базирование подводных лодок США в австралийских портах, продажу Канберре трёх американских АПЛ «Вирджиния» (с поставкой в начале 2030-х гг.) и ещё двух британских атомных субмарин (с поставкой в начале 2040-х гг.) [21, с. 85]. Стоит отметить, что наряду с противодействием растущей активности Пекина в спорных акваториях Южно-Китайского моря и его усиливающемуся влиянию в граничащих с Индийским океаном регионах (Южная Азия, Персидский залив, Восточная Африка) данный формат предполагает создание нового механизма вовлечённости в дела ИТР со стороны США и Великобритании как союзников в рамках НАТО. Тем самым AUKUS выступает в качестве связующего звена между евроатлантическим и индо-тихоокеанским сообществами, способствуя укреплению региональной «коннективности», необходимой для поддержания верховенства международного права в военно-морской сфере [40, р. 10]. Для самих США данный минилатеральный формат позволяет укрепить их региональную вовлечённость посредством проведения совместных учений и повышения оперативной совместимости вооружённых сил партнёров, усовершенствовать способы проецирования боевой мощи через развитие концепции гибкого боевого применения, а также обеспечить гарантированный доступ своих воздушных судов к аэродромам Австралии [16, с. 202]. Вместе с тем AUKUS (так же, как и Quad) формирует институциональный фундамент для устойчивой кооперации «государств-единомышленников», приверженных принципам либеральной демократии. С одной стороны, это позволяет сплотить США и их традиционных союзников вокруг общего видения того, как должен быть организован региональный порядок в условиях меняющегося баланса сил, обострения противоречий в ИТР и нарастающей конфронтации

между Вашингтоном и Пекином. С другой — открывается возможность подключения к минилатеральным форматам новых партнёров из числа стран региона, разделяющих принципы политической демократии и экономического либерализма. В конечном счёте это должно способствовать укреплению чувства принадлежности к «сообществу демократий», внутри которого Соединённые Штаты исполняют роль «лидера», формулирующего видение общего будущего, координирующего действия союзников и партнёров, а также мобилизующего коллективные усилия.

Достижение этой цели подразумевает обеспечение большей сплочённости стран региона посредством усиления роли АСЕАН как ключевого форума, предоставляющего возможность согласования общей позиции стран ИТР по вопросам обеспечения региональной безопасности. Поэтому в рамках индо-тихоокеанской стратегии, а также концепции «Свободного и открытого международного порядка» АСЕАН отводится роль ключевого партнёра в деле продвижения таких ценностей и принципов, как свобода мореплавания, рыночная экономика, мирное разрешение споров, суверенитет и верховенство права [30, р. 6]. В рамках американского видения данная ассоциация выступает в качестве платформы формирующейся архитектуры региона, позволяющей согласовывать общую позицию по наиболее острым проблемам и развивать трёхсторонние форматы, которые включают союзников США в Восточной Азии (например, соглашения о стратегическом партнёрстве АСЕАН — Япония, АСЕАН — Южная Корея и АСЕАН — Австралия) и обеспечивают «гибкие способы координации с партнёрами-единомышленниками» [33]. В результате развитие многостороннего формата АСЕАН (наряду с минилатеральными структурами Вашингтона) должно способствовать формированию нового для Азии типа региональной общности, опирающейся на: 1) сообщество в сфере политики и безопасности, 2) экономическое сообщество и 3) социокультурное сообщество [23, с. 104].

Одним из принципиальных шагов в этом направлении стало проведение в мае 2022 г. специального саммита США — АСЕАН (г. Вашингтон), по итогам которого стороны закрепили приверженность общим целям и правовым механизмам разрешения споров (на основе Устава ООН, Морской конвенции ООН, Хартии АСЕАН и ряда других документов), декларировали общую заинтересованность в сохранении мира, стабильности и процветания в районе Южно-Китайского моря, а также обозначили стремление содействовать воплощению «Договора о безъядерной зоне в Юго-Восточной Азии» (1995) посредством совместных усилий по денуклеаризации Корейского полуострова [48]. Этот саммит позволил сформировать предпосылки для заключения между США и АСЕАН «Соглашения о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве»

(ноябрь 2022 г.), зафиксировавшего основные направления сотрудничества, а также «центральную» роль АСЕАН в построении архитектуры ИТР и разрешении региональных проблем, вызывающих общую обеспокоенность [47, р. 2]. Итоговые декларации, принятые по итогам состоявшихся в 2023 г. (Индонезия) и в 2024 г. (Лаос) саммитов США — АСЕАН, закрепили общие приоритеты в сфере обеспечения региональной безопасности, а также зафиксировали «конструктивную» роль США в продвижении диалога по обеспечению мира, безопасности и стабильности посредством таких многосторонних механизмов, как Восточноазиатский саммит (ВАС), Региональный форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны стран АСЕАН, Расширенный военно-морской форум АСЕАН [34; 35].

За исключением АРФ, занимающегося предотвращением и разрешением конфликтов, а также постконфликтным урегулированием и разработкой механизмов его осуществления, вышеназванные многосторонние структуры представляют собой преимущественно диалоговые форматы, в рамках которых обсуждаются, главным образом, меры по развитию региональной торговли (например, создание зоны свободной торговли между странами АСЕАН и США, Японией, Южной Кореей, Индией), а также проблемы и вызовы региональной безопасности [12, с. 20]. Это обстоятельство предоставляет Соединённым Штатам возможность использования АСЕАН и связанных с ней многосторонних структур для сохранения своей роли «гаранта безопасности» посредством продвижения минилатеральных форматов (таких как Quad), расширяя тем самым сотрудничество между своими союзниками/партнёрами и странами — членами ассоциации. Кроме того, с помощью АСЕАН США стремятся обеспечить продвижение предпочтительных стандартов международной легитимности, наделяющих американских союзников и партнёров правами и обязанностями полноправных членов «индо-тихоокеанского сообщества», объединённых приверженностью либеральной демократии и рыночной экономике, а также признающих верховенство международного права при разрешении конфликтов. Поэтому ключевое значение приобретает соответствие внутреннего устройства потенциальных американских партнёров принципам рыночной экономики и либеральной демократии, распространение которых США и их союзники рассматривают в качестве обязательных предпосылок укрепления «свободного и открытого международного порядка» [22, с. 117—118]. Лежащие в основе последнего фундаментальные нормы (суверенитет, верховенство международного права, свобода торговли) призваны обеспечивать сплочённость «сообщества демократий» и его способность противостоять растущим амбициям Китая и сдерживать провокационное поведение КНДР. Эти геополитические соперники Соединённых Штатов оказываются вне нормативных рамок

регионального «сообщества демократий» из-за своего авторитарного внутривластного устройства, которое рассматривается в качестве главной причины их стремления использовать угрозы и военную силу для оказания давления на американских союзников и изменения баланса сил в регионе, а также пренебрежения нормами международного права в том, что касается мирного разрешения территориальных споров, свободы навигации и нераспространения ОМУ.

Таким образом, идея «центральнойности» АСЕАН оказывается инструментом достижения геополитических целей Вашингтона, который рассматривает эту концепцию в качестве механизма обеспечения своей вовлечённости в дела Юго-Восточной Азии, не вызывая при этом сопротивления со стороны националистически настроенных правительств отдельных стран региона [31, p. 275]. В свою очередь, государства Юго-Восточной Азии стремятся использовать идею «центральнойности» АСЕАН в качестве инструмента выстраивания своих отношений с такими великими державами, как США и Китай, каждая из которых продвигает собственное видение регионального порядка (концепция «Свободной и открытой Индо-Пацифики» и инициатива «Пояса и пути»). Желая сохранить свободу манёвра и извлечь выгоды из взаимодействия с Вашингтоном и Пекином, страны — члены ассоциации прибегают к стратегии «хеджирования», предполагающей диверсификацию внешних связей в условиях высокой неопределённости. В рамках этой стратегии государства Юго-Восточной Азии пытаются выстраивать отношения с более могущественными державами на основе региональных институтов, а также с помощью специфической культуры дипломатии, основанной на правилах (суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела, взаимное уважение, неучастие АСЕАН в двусторонних конфликтах и т.д.) и практиках разрешения споров (неформальность, консенсус, прагматизм, тесные личные связи лидеров АСЕАН и др.) [39, p. 665]. В то же время отстаивание странами Юго-Восточной Азии идеи «центральнойности» АСЕАН можно рассматривать в контексте политики «мягкого уравнивания», направленной на продвижение приемлемых для регионального сообщества норм, запрещающих нарушение суверенитета и применение силы как средства достижения национальных целей. Декларируя приверженность этим нормам и развивая партнёрские отношения с АСЕАН, Соединённые Штаты снижают издержки реализации своей индо-тихоокеанской стратегии, усиливают свою региональную вовлечённость, а также способствуют закреплению стандартов международного поведения, осуждающих ядерные амбиции КНДР, ограничивают геополитическую экспансию Китая и подвергают сомнению законность его территориальных и акваториальных претензий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как следует из вышеизложенного, «сетевой» принцип организации отношений и взаимодействий внутри ИТР постепенно вытесняет традиционную модель «ось и спицы», делая региональную иерархию более гибкой и адаптивной посредством перераспределения ответственности и системных издержек. В свою очередь, формирующаяся «сетевая» архитектура «Свободной и открытой Индо-Пацифики» сопровождается модификацией механизмов региональной вовлечённости Вашингтона. Принимая непосредственное участие в создании сети двух- и трёхсторонних форматов, а также содействуя развитию кооперации между своими традиционными союзниками и новыми партнёрами, Соединённые Штаты формируют более устойчивые горизонтальные связи между теми странами, которые рассматриваются США в качестве бенефициаров и «стейкхолдеров» существующего регионального порядка.

Опираясь на мультилатерализм (прежде всего, АСЕАН и связанные с ней институты) и минилатеральные форматы (Quad, AUKUS и др.), «сетевая» модель создаёт новые «точки входа», что существенно расширяет возможности участия в продвижении «индо-тихоокеанского видения» регионального порядка и повышает заинтересованность локальных игроков в его сохранении. По мере того, как государства ИТР присоединяются к поддерживающим этот порядок институтам и демонстрируют приверженность «порядку, основанному на правилах», они могут рассчитывать на повышение своего международного престижа посредством получения статуса американских «партнёров». Этот статус открывает доступ к передовым технологиям, новейшим вооружениям и приоритетным поставкам со стороны Вашингтона, а также расширяет возможности оказания влияния на региональные процессы.

Для самих Соединённых Штатов превращение азиатско-тихоокеанской архитектуры безопасности в «сетевую» структуру, организованную вокруг сообщества демократических «стран-единомышленников», влечёт не только изменение механизмов участия в региональных делах, но и переосмысление американской роли в ИТР. Способствуя наращиванию военных возможностей союзников и партнёров в рамках двусторонних партнёрств и минилатеральных форматов, США стремятся облегчить своё бремя единственного «гаранта безопасности» посредством культивирования коллективной ответственности за поддержание региональной стабильности. Это, в свою очередь, подразумевает перераспределение лидерских функций в пользу традиционных союзников и новых партнёров с точки зрения продвижения общего видения международного порядка в регионе. В соответствии с этой логикой, роль США

как «лидера» регионального сообщества предполагает мобилизацию коллективных усилий по обеспечению международной безопасности посредством формирования и продвижения гибких форматов участия, способствующих вовлечению заинтересованных стран в процесс поддержания «порядка, основанного на правилах».

Если на протяжении предшествующих десятилетий роль Вашингтона как «гаранта безопасности» концентрировалась на американских обязательствах перед традиционными союзниками, то в рамках «Свободной и открытой Индо-Пацифики» США предпочитают усиливать военные возможности и автономию союзников и партнёров (напр., наращивание военных поставок Японии и Южной Кореи, помощь Австралии в создании флота атомных субмарин, продажа современных образцов вооружений и военных технологий Индии), делая акцент на повышении оперативной совместимости их вооружённых сил и проведении регулярных военных учений в многостороннем формате. Кроме того, США настойчиво стремятся укрепить сплочённость своих союзников и партнёров на основе общих ценностей и адаптировать сложившиеся институты «американской гегемонии» в регионе к условиям меняющегося баланса сил и обострению геополитических противоречий.

В то же время эксклюзивный характер продвигаемого Соединёнными Штатами видения «индо-тихоокеанского сообщества», предполагающего маргинализацию не соответствующих критериям членства стран, провоцирует сопротивление со стороны последних и культивирует их стремление к продвижению альтернативных проектов и оспариванию региональной роли США как «лидера» и «гаранта безопасности». При этом нарастание американо-китайской конфронтации подталкивает союзников и партнёров Соединённых Штатов к тому, чтобы лавировать между конфликтующими сторонами и извлекать выгоду из взаимодействия с Вашингтоном и Пекином (особенно в сфере торговли). Это существенно осложняет достижение поставленной США цели по формированию устойчивых институтов «индо-тихоокеанского сообщества», обеспечивающих координацию действий американских союзников и партнёров, а также закрепляющих предпочтительное для Вашингтона распределение ролей в регионе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Асмолов К.В. Южная Корея между США и КНР // Китай в мировой и региональной политике. 2021. № 26. С. 227—241.
2. Бабаев К.В. Вся «Индо-Тихоокеанская рать»: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. № 1. С. 107—127.

3. Батюк В.И. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1. С. 135—153.
4. Гарусова Л.Н. Эволюция военного сотрудничества Индии и США: индо-тихоокеанский контекст // Россия и АТР. 2023. № 3. С. 79—102.
5. Давыдов А.А., Куприянов А.В. Отношения США и Индии: формирование союза или ситуативное партнёрство? // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 21—34.
6. Давыдов О.В. Южная Корея и американская стратегия свободной и открытой Индо-Пасифики // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 8. С. 31—40.
7. Давыдов О.В. Внешнеполитическая стратегия администрации Юн Сок Ёля и американо-южнокорейский альянс // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 1. С. 68—79.
8. Жмакин И.Н. Союз США и Японии в 2017—2020 годах // Свободная мысль. 2021. № 2. С. 199—207.
9. Истомин И.А. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России // Рабочая тетрадь РСМД. 2019. № 49. 43 с.
10. Кирьянов О.В. Противоракетный щит США над Южной Кореей // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. С. 9—15.
11. Кистанов В.О. Треугольник Япония — США — Южная Корея: насколько прочным окажется новый альянс? // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 2. С. 7—20.
12. Клименко А.Ф. Современные проблемы обеспечения военной безопасности в АТР // Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США / отв. ред. Т.М. Мамахатов. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 11—24.
13. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 5. С. 165—177.
14. Кучеренко Г.Н. Особенности и перспективы внешнеполитической стратегии Таиланда в контексте противостояния КНР и США // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 3. С. 81—90.
15. Лексютина Я.В. «Возвращение в Азию» — внешнеполитический курс Б. Обамы: итоги пяти лет реализации // США — Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 10. С. 17—34.
16. Леонова О.Г. Влияние стратегического партнёрства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций. 2022. № 3. С. 194—211.
17. Лукин А.Л., Коротич С.А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждёт азиатско-тихоокеанские альянсы США? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 4. С. 5—15.
18. Малышева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019—2020 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 2. С. 82—99.
19. Мартынова Е.С. Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 148—165.
20. Национальные и международные стратегии на Индо-Тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / под ред. В.В. Михеева и В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 182 с.
21. Панов А.Н. Новые тенденции в развитии международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе // США — Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 8. С. 80—98.

22. Песцов С.К. Концепция свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона: общее в многообразии интерпретаций // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 4. С. 111—131.
23. Райков Ю.А. Фактор АСЕАН в политике США в Восточной Азии // США — Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 2. С. 97—113.
24. Рогожина Н.Г. Роль Филиппин в Индо-Тихоокеанской стратегии США // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. № 2. С. 150—159.
25. Сушенцов А.А. Стратегия военного присутствия США в Азии // Международные процессы. 2012. № 2. С. 91—104.
26. Торкунов А.В. Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 6. С. 25—37.
27. Фомичева Е.А. Таиланд и новая внешнеполитическая стратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 29. С. 128—140.
28. Худайкулова А.В., Рамич М.С. «КВАД 2.0»: четырёхсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23—43.
29. Яньбинь У. Индо-Тихоокеанская стратегия США в контексте конкуренции между США и Китаем: восприятие угрозы и структура альянса // США — Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 2. С. 73—86.
30. A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. November 4, 2019. URL: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/> (дата обращения: 07.11.2024).
31. Acharya A. The Myth of ASEAN Centrality? // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs. 2017. Vol. 39. No. 2. P. 273—279.
32. Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Philippines on Enhanced Defense Cooperation, 2014. URL: <https://media.defense.gov/2023/May/03/2003214357/-1/-1/0/THE-UNITED-STATES-AND-THE-REPUBLIC-OF-THE-PHILIPPINES-BILATERAL-DEFENSE-GUIDELINES.PDF> (дата обращения: 15.01.2025).
33. ASEAN — U.S. Leaders' Statement on Cooperation on the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. September 6, 2023. URL: <https://asean.usmission.gov/asean-u-s-leaders-statement-on-cooperation-on-the-asean-outlook-on-the-indo-pacific/> (дата обращения: 15.01.2025).
34. Chairman's Statement of the 11th ASEAN — United States Summit. September 6, 2023. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/09/FINAL-Chairmans-Statement-of-the-11th-ASEAN-US-Summit.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).
35. Chairman's Statement of the 12th ASEAN — United States Summit. October 11, 2024. URL: <https://asean.org/chairmans-statement-of-the-12th-asean-united-states-summit/> (дата обращения: 15.01.2025).
36. Doran Ch. Economics, Philosophy of History, and the “Single Dynamic” of Power Cycle Theory: Expectations, Competition, and Statecraft // International Political Science Review. 2003. Vol. 24. No. 1. P. 13—49.
37. Doran Ch. Systems in Crisis: New Imperatives of High Politics at Century's End. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 316 p.
38. Hiep T., Hoan T., Kiet H. Free and Open Indo-Pacific Strategy: Competitive Opinions and Trends // Vestnik of Saint Petersburg State University. International Relations. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 242—259.
39. I Gede Wahyu W., Moch Faisal K. How Regional Organization Survives: ASEAN, Hedging and International Society // Contemporary Politics. 2023. Vol. 29. No. 5. P. 659—679.

40. Indo-Pacific Strategy of the United States. 2022. URL: <https://www.state.gov/indo-pacific-strategy/> (дата обращения: 07.10.2024).
41. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/jul/01/2002152311/-1/-1/1/departments-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).
42. Kang D. Getting Asia Wrong. The Need for New Analytical Framework // International Security. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 57—85.
43. National Security Strategy of the United States (2022). October 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 07.11.2024).
44. Parrish P., Luke N. AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress. June 20, 2023. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599/1> (дата обращения: 15.01.2025).
45. Remarks by the President Biden, Prime Minister Scott Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS (2021). September 15. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/> (дата обращения: 13.01.2025).
46. Tanter R. The U.S. Military Presence in Australia: Asymmetrical Alliance, Cooperation, and Its Alternatives. URL: <https://apjff.org/2013/11/45/richard-tanter/4025/article> (дата обращения: 15.01.2025).
47. U.S. — ASEAN Leaders' Statement on the Establishment of the U.S. — ASEAN Comprehensive Strategic Partnership. November 12, 2022. URL: <https://asean.org/asean-u-s-leaders-statement-on-the-establishment-of-the-asean-u-s-comprehensive-strategic-partnership-2/> (дата обращения: 15.01.2025).
48. U.S. — ASEAN Special Summit, Joint Vision Statement. May 13, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/13/asean-u-s-special-summit-2022-joint-vision-statement/> (дата обращения: 15.01.2025).

REFERENCES

1. Asmolov K. Yuzhnaya Koreya mezhdru SShA i KNR [South Korea between U.S. and China]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike*, 2021, no. 26, pp. 227—241. (In Russ.)
2. Babaev K. Vsyay «Indo-Tikhookeanskaya rat'»: sistema voenno-politicheskikh soyzov SShA v Indiyском i Tikhom okeanakh ["All the Indo-Pacific Men": The System of U.S. Military and Political Pacts in the Indian and Pacific Oceans]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 107—127. (In Russ.)
3. Batyuk V.I. Indo-Tikhookeanskaya strategiya SShA i Evraziya [U.S. Indo-Pacific Strategy and Eurasia]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2021, no. 1, pp. 135—153. (In Russ.)
4. Garusova L.N. Evolyutsiya voennogo sotrudnichestva Indii i SShA: indo-tikhookeanskiy kontekst [Evolution of Military Cooperation between India and the U.S.: Indo-Pacific Context]. *Rossiya i ATR*, 2023, no. 3, pp. 79—102. (In Russ.)
5. Davydov A.A., Kupriyanov A.V. Otnosheniya SShA i Indii: formirovaniye soyuza ili situativnoye partnerstvo? [Relations between the U.S. and India: Creation of the Alliance or Situational Partnership?]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2022, no. 2, pp. 21—34. (In Russ.)

6. Davydov O.V. Yuzhnaya Koreya i amerikanskaya strategiya svobodnoy i ot-krytoy Indo-Pasifiki [South Korea and the American Strategy of the Free and Open Indo-Pacific]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnoshe-niya*, 2021, no. 8, pp. 31—40. (In Russ.)
7. Davydov O.V. Vneshnepoliticheskaya strategiya administratsii Yun Sok Elya i amerikano-yuzhnokoreyskiy al'yans [The Foreign Policy Strategy of Yoon Suk-Yeol's Administration and the U.S.—South Korea Alliance]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2023, no. 1, pp. 68—79. (In Russ.)
8. Zhmakin I.N. Soyuz SShA i Yaponii v 2017—2020 godakh [The U.S.—Japan Al-liance in 2017—2020]. *Svobodnaya mysl'*, 2021, no. 2, pp. 199—207. (In Russ.)
9. Istomin I.A. Politika SShA v Indo-Tikhookeanskom regione: posledstviya dlya Rossii [U.S. Policy in the Indo-Pacific Region: Implications for Russia]. *Rabochaya tetrad' RSMD* [RCIA Working Paper], 2019, no. 49, 43 p. (In Russ.)
10. Kir'yanov O.V. Protivoraketnyy shchit SShA nad Yuzhnoy Koreey [The U.S. Anti-Missile Shield over South Korea]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2017, no. 1, pp. 9—15. (In Russ.)
11. Kistanov V.O. Treugol'nik Yaponiya — SShA — Yuzhnaya Koreya: naskol'ko prochnym okazhetsya novyy al'yans? [Japan — the U.S. — South Korea Tri-angle: How Durable Will Be the New Alliance?]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2024, no. 2, pp. 7—20. (In Russ.)
12. Klimenko A.F. Sovremennye problemy obespecheniya voennoy bezopasnos-ti v ATR [Current Problems of Ensuring Military Security in the Asia-Pacific Region]. *Bezopasnost' v ATR v kontekste Indo-Tikhookeanskoy strategii SShA* [Security in the Asia-Pacific in the Context of U.S.' Indo-Pacific Strategy]. Ed. by T.M. Mamakhatov. Moscow, IKSA RAN Publ., 2022, pp. 11—24. (In Russ.)
13. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. Politika SShA po sozdaniyu sistem protivoraket-noy oborony v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The U.S. Policy on Creation of the Anti-Missile Defense System in the Asia-Pacific Region]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2016, no. 5, pp. 165—177. (In Russ.)
14. Kucherenko G.N. Osobennosti i perspektivy vneshnepoliticheskoy strategii Tailanda v kontekste protivostoyaniya KNR i SShA [Features and Prospects of Thailand's Foreign Policy Strategy within the Context of U.S.—China Confrontation]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*, 2023, no. 3, pp. 81—90. (In Russ.)
15. Leksyutina Ya.V. «Vozvrashchenie v Aziyu» — vneshnepoliticheskii kurs B. Obamy: itogi pyati let realizatsii [“Return to Asia” — B. Obama's Foreign Policy: The Outcomes of the Five-Year Implementation Plan]. *SShA — Kana-da: ekonomika, politika, kul'tura*, 2014, no. 10, pp. 17—34. (In Russ.)
16. Leonova O.G. Vliyanie strategicheskogo partnerstva AUKUS na geo-politicheskuyu situatsiyu v Indo-Tikhookeanskom regione [The Impact of AUKUS Strategic Partnership on Geopolitical Situation in the Indo-Paci-fic Region]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 2022, no. 3, pp. 194—211. (In Russ.)
17. Lukin A.L., Korotich S.A. Mezhdru Vashingtonom i Pekinom: chto zhdet azi-atsko-tikhookeanskies al'yansy SShA? [Between Washington and Beijing: What Awaits U.S. Asia-Pacific Alliances?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdun-arodnye otnosheniya*, 2017, no. 4, pp. 5—15. (In Russ.)
18. Malysheva D.B. Postsovetskaya Tsentral'naya Aziya v fokuse interesov krupnykh aziatskikh gosudarstv (2019—2020 gg.) [Post-Soviet Central Asia in the Focus of Asian Great Powers (2019—2020)]. *Kontury global'nykh trans-formatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2021, no. 2, pp. 82—99. (In Russ.)
19. Martynova E.S. Al'yansy QUAD i AUKUS i balans sil v Aziatsko-Tikhookean-skome regione: perspektivy dlya Rossii, Kitaya i ASEAN [QUAD and AUKUS Alliances and the Balance of Power in the Asia-Pacific Region: Prospects

- for Russia, China and ASEAN]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2022, no. 3, pp. 148—165. (In Russ.)
20. *Natsional'nye i mezhdunarodnye strategii na Indo-Tikhookeanskom prostranstve: analiz i prognoz* [National and International Strategies in the Indo-Pacific Space: Analysis and Forecast]. Ed. by V.V. Mikheyev and V.G. Shvidko. Moscow, IMEMO IMEMO RAN Publ., 2020, 182 p. (In Russ.)
 21. Panov A.N. Novye tendentsii v razvitii mezhdunarodnykh otnosheniy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [New Trends in the Development of International Relations in the Asia-Pacific Region]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2023, no. 8, pp. 80—98. (In Russ.)
 22. Pestsov S.K. Kontseptsiya svobodnogo i otkrytogo Indo-Tikhookeanskogo regiona: obshchee v mnogoobrazii interpretatsiy [The Concept of the Free and Open Indo-Pacific: Commonalities in Diversity of Interpretations]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*, 2021, no. 4, pp. 111—131. (In Russ.)
 23. Raykov Yu.A. Faktor ASEAN v politike SShA v Vostochnoy Azii [ASEAN Factor in U.S. Policy in East Asia]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2020, no. 2, pp. 97—113. (In Russ.)
 24. Rogozhina N.G. Rol' Filippin v Indo-Tikhookeanskoy strategii SShA [The Role of Philippines in U.S. Indo-Pacific Strategy]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2023, no. 2, pp. 150—159. (In Russ.)
 25. Sushentsov A.A. Strategiya voennogo prisutstviya SShA v Azii [The Strategy of U.S. Military Presence in Asia]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2012, no. 2, pp. 91—104. (In Russ.)
 26. Torkunov A.V. Strategiya administratsii D. Trampa v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The Strategy of Trump's Administration in the Asia-Pacific Region]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 6, pp. 25—37. (In Russ.)
 27. Fomicheva E.A. Tailand i novaya vneshnepoliticheskaya strategiya SShA v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Thailand and U.S. New Foreign Policy Strategy in the Asia-Pacific Region]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2015, no. 29, pp. 128—140. (In Russ.)
 28. Khudaykulova A.V., Ramich M.S. «KVAD 2.0»: chetyrekhstoronniy dialog dlya kontrbalansirovaniya KNR v Indo-Tikhookeanskom regione [“QUAD 2.0”: Quadrilateral Dialogue for Counterbalancing China in the Indo-Pacific Region]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2020, no. 3, pp. 23—43. (In Russ.)
 29. Yan'bin' U. Indo-Tikhookeanskaya strategiya SShA v kontekste konkurentsii mezhdu SShA i Kitaem: vospriyatie ugrozy i struktura al'yansa [U.S. Indo-Pacific Strategy in the Context of Competition between the U.S. and China: Threat Perception and the Structure of the Alliance]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2022, no. 2, pp. 73—86. (In Russ.)
 30. *A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision*. November 4, 2019. Available at: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/> (accessed 07.11.2024). (In Eng.)
 31. Acharya A. The Myth of ASEAN Centrality? *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, 2017, vol. 39, no. 2, pp. 273—279. (In Eng.)
 32. *Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Philippines on Enhanced Defense Cooperation*. 2014. Available at: <https://media.defense.gov/2023/May/03/2003214357/-1/-1/0/THE-UNITED-STATES-AND-THE-REPUBLIC-OF-THE-PHILIPPINES-BILATERAL-DEFENSE-GUIDELINES.PDF> (accessed 15.01.2025). (In Eng.)
 33. *ASEAN — U.S. Leaders' Statement on Cooperation on the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific*. September 6, 2023. Available at: <https://asean.usmission>.

- gov/asean-u-s-leaders-statement-on-cooperation-on-the-asean-outlook-on-the-indo-pacific/ (accessed 15.01.2025). (In Eng.)
34. *Chairman's Statement of the 11th ASEAN—United States Summit*. September 6, 2023. Available at: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/09/FINAL-Chairmans-Statement-of-the-11th-ASEAN-US-Summit.pdf> (accessed 15.01.2025). (In Eng.)
35. *Chairman's Statement of the 12th ASEAN—United States Summit*. October 11, 2024. Available at: <https://asean.org/chairmans-statement-of-the-12th-asean-united-states-summit/> (accessed 15.01.2025). (In Eng.)
36. Doran Ch. Economics, Philosophy of History, and the “Single Dynamic” of Power Cycle Theory: Expectations, Competition, and Statecraft. *International Political Science Review*, 2003, vol. 24, no. 1, pp. 13—49. (In Eng.)
37. Doran Ch. *Systems in Crisis: New Imperatives of High Politics at Century's End*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991, 316 p. (In Eng.)
38. Hiep T., Hoan T., Kiet H. Free and Open Indo-Pacific Strategy: Competitive Opinions and Trends. *Vestnik of Saint Petersburg State University. International Relations*, 2024, vol. 17, no. 3, pp. 242—259. (In Eng.)
39. I Gede Wahyu W., Moch Faisal K. How Regional Organization Survives: ASEAN, Hedging and International Society. *Contemporary Politics*, 2023, vol. 29, no. 5, pp. 659—679. (In Eng.)
40. *Indo-Pacific Strategy of the United States*. 2022. Available at: <https://www.state.gov/indo-pacific-strategy/> (accessed 07.10.2024). (In Eng.)
41. *Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region*. 2019. Available at: <https://media.defense.gov/2019/jul/01/2002152311/-1/-1/department-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf> (accessed 15.01.2025). (In Eng.)
42. Kang D. Getting Asia Wrong. The Need for New Analytical Framework. *International Security*, 2003, vol. 27, no. 4, pp. 57—85. (In Eng.)
43. *National Security Strategy of the United States*. 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 07.11.2024). (In Eng.)
44. Parish P., Luke N. *AUKUS Pillar 2: Background and Issues for Congress*. June 20, 2023. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47599/1> (accessed 15.01.2025). (In Eng.)
45. *Remarks by the President Biden, Prime Minister Scott Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS*. September 15, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/> (accessed 13.01.2025). (In Eng.)
46. Tanter R. The U.S. Military Presence in Australia: Asymmetrical Alliance, Cooperation, and Its Alternatives. Available at: <https://apijf.org/2013/11/45/richard-tanter/4025/article> (accessed 15.01.2025). (In Eng.)
47. *U.S.—ASEAN Leaders' Statement on the Establishment of the U.S.—ASEAN Comprehensive Strategic Partnership*. November 12, 2022. Available at: <https://asean.org/asean-u-s-leaders-statement-on-the-establishment-of-the-asean-u-s-comprehensive-strategic-partnership-2/> (accessed 15.01.2025). (In Eng.)
48. *U.S.—ASEAN Special Summit, Joint Vision Statement*. May 13, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/13/asean-u-s-special-summit-2022-joint-vision-statement/> (accessed 15.01.2025). (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 30.01.2025